

С надеждой на грядущую весну...

ИЗ ИСТОРИИ ГАЗЕТЫ. 1905 – 1909

Период с 1905 по 1909 годы для «Северного края» – это время отчаянной борьбы с цензурой, судебных процессов и постоянной смены названий. По содержанию газета по-прежнему была оппозиционной, многие заметки и статьи о насущных проблемах общества оканчивались неизменным выводом о том, что необходимо «обновить и освежить окружающую атмосферу, поставить на работу новые силы, дать простор тому, что до сих пор только давало знать о себе».

«ПРИСНИЛОСЬ МНЕ, ЧТО Я – ЖАР-ПТИЦА...»

«Редакция «Северного края» приносит свою благодарность всем лицам, приветствовавшим возобновление издания газеты», – такое выделенное в рамочку обращение к читателям появилось в номере за 1 января 1905 года. В этом же номере, в «подвале» четвёртой полосы, где обычно печатаются фельетоны, был помещён святочный рассказ «Новогодний сон».

«— Вот так богатырский сон! – с этим восклицанием проснулся я, столь долго не слышавшие от меня ни звука читатели, при двенадцати ударах часов в первую полночь 1905 года. Автор представлял безобидным лавочником Поприщиным, но, конечно же, читателю сразу было понятно, кто беседует с ними от лица героя и что за «богатырский сон» имеется в виду: полгода назад выпуск «Северного края» был приостановлен решением министра внутренних дел.

Фельетоны и их «эзопов язык» вообще пользовались большой популярностью. Это была своеобразная словесная война с цензурой. «Росла потребность говорить о делах общественных, никакая бдительность цензуры не могла этого переломить, а читатели развлекались, всюду отыскивая крамольную тенденцию», – вспоминала работавшая в 1902 – 1903 годах в «Северном крае» журналистка Ариадна Тыркова, говоря именно о фельетонах.

«Приснилось мне, что я – жар-птица, – продолжает автор святочного рассказа. – Лечу на ковре-самолёте, кушаю на скатерти-самобранке и заливаюсь на гуслях-самогудах такою громкою песнею, что даже самого себя оглушаю. И светит во лбу моём звезда, а лоб-то у меня о семи пядей, и так от звезды своей горит и палит: всё, мол, что надо, осветит-озарит, всё, что следует – выжуг!»

Вот вам и портрет газеты, и её позиция, цели-задачи – всё в одном образе.

«А горизонты-то, горизонты передо мной! Необъятные! Конечно, и на горизон-

тах не везде благополучно... Вижу Мукден, вокруг которого, зарывшись в землянки, под леденящим снегом, люди стискивают стынущими руками обледневшее оружие, готовясь умирать и убивать – и этих людей сотни тысяч...»

Русско-японская война отражалась на страницах газеты без ура-патриотического пафоса, скорее, даже с пессимистическим уклоном. До середины 1905 года – это одна из главных тем. Новости с фронта – как правило, переводы статей из иностранной прессы – печатались на первой полосе рядом с иностранными известиями.

«Солдаты, изнурённые голодом и болезнями, смотрели друг на друга потухшими глазами и плакали. Офицеры рыдали, как нервные женщины, как будто сердце разрывалось у них с горя», – это статья «Последние дни Порт-Артура», «пересказ «Дэйли Мэйл» со слов очевидца» (3.01.1905).

В рубрике «Фельетон» регулярно появлялись произведения, так или иначе имеющие отношение к войне и Японии: переведённый с французского рассказ «Взятие редута», «Из писем о Японии» Р. Киплинга и т. п. Ближе к лету и сами «фельетонисты» поддаются пессимизму и изображают окружающую действительность в мрачных красках.

В одном из июньских номеров было напечатано произведение «Сон», названное «некстати разыгравшейся фантазией». По названию и содержанию этот материал перекликался с «Новогодним сном», но от январской удали не осталось и следа.

«Я спал... не ночь, не сутки, а долгие месяцы... Мне снился дом-дворец, вокруг его – гнетущая высокая стена, она казалась краями гроба, и вот-вот какой-нибудь великан закроет крышку и погребёт живущих там навеки. Тот дом-дворец был с массой комнат, я вошёл в одну из них, и тяжёлая дверь захлопнулась за мной. Я бросился на неё, молотил кулаками, ногами, царапал её, но тщетно – извне ни звука».

Жар-птица, образ которой в начале года примеривает на себя газета, превращается в этом фельетоне в маленькую птичку, которая своим пением поддерживает унылых узников дома-дворца, вселяя в их сердца «надежду на грядущую весну».

29 декабря 1905 года ярославские власти снова попытались закрыть «Северный край», но он тут же превратился в «Северную область».

СУДЕБНОЙ ПАЛАТОЙ ОПРАВДАН

С января 1906 года «засыпать» газете и впрямь приходилось частенько – чтобы вновь «проснуться» под другим названием. В течение года она успела сменить шесть имён: «Северная

1.07.1906, озаглавленная «Ярославль, 1 июля».

«Наши читатели прочтут отчёт по делу редактора «Северного края» В. М. Михеева, привлечённого по статье 129 (подстрекательство – прим. авт.). Нам не приходится долго разъяснять читателю всю нелепость, всю гнусность зажимания рта свободной печати, к чему так охотно, так часто и, увы, бесплодно прибегает наша ярославская прокуратура... 27 мая в московской судебной палате слушался ряд политических дел, в числе которых были дела нашей ярославской печати. В качестве обвиняемых перед особым присутствием предстали редакторы приостановленных газет: В. М. Михеев – «Северного края», П. А. Троицкий – «Север-

с ним очень «характерно, ясно и наглядно рисуют желания и думы проснувшейся, заговорившей деревни». Находя в помещённом приговоре преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 129 уголовного уложения, прокуратура возбудила против Ливанова уголовное преследование. На вопрос председательствующего, признаёт ли обвиняемый себя виновным, Ливанов ответил отрицательно. Слово получил обвинитель, который, не найдя состава преступления в данном деле, от обвинения Ливанова отказался. Защитник, в короткой речи доказав отсутствие состава преступления и согласившись в этом с противником, сказал, что надо с благодарностью смотреть на то, что редакция помещает подобные приговоры: они показывают действительное положение крестьян. На предложение господина председателя, не пожелает ли сказать что обвиняемый, Ливанов заявил: «Раз представитель обвинительной власти отказался от обвинения, то я сказать ничего не могу...» Председатель читает вопросы, какие присутствие ставит себе на разрешение, и палата удаляется. Через короткое время вынесен оправдательный приговор».

Дело Троицкого рассматривалось по такой же схеме, с той лишь разницей, что обвинялся он в том, что в репортаже с земского собрания в Костроме напечатал речь гласного Сафонова, «по содержанию своему возбуждающую к бунтовщическому деянию». Защитник возражал, что другие газеты речь Сафонова тоже напечатали, а их никто ни в чём не обвиняет. В итоге Троицкого тоже благополучно оправдали. Как и Михеева.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ГЛАСНОСТИ

С 1907 года чехарда с названиями газеты учащается. Редакторы устают придумывать, что бы ещё могло быть «Северным», и останавливаются на двух-трёх вариантах, которые сменяют друг друга по очереди. Так, например, в 1907 году «Новый Северный край» чередует с «Северной газетой». Первые месяцы 1908 года – «Северный вестник»/«Северные вести»/«Северное слово», последние – «Северная молва»/«Северный курьер». В 1909 году такой чёткой схемы не было, и даже ключевое слово «Северный» порой выпадало. Газета называлась то «Родной край», то «Наш край», пару раз выходила под именем «Жизнь», и всего один день (23 марта) просуществовала как газета «Луч».

О чём же пела «птица-узнайка дома-дворца»? Её рубрики на протяжении 1905 – 1909 годов оставались неизменными. Новостные – «Иностранные известия», «Внутренние известия», «Судебные телеграммы» и «Из Петербурга по телефону», «Судебная хроника» и «Городская хроника». Интерактивные – «Черная почта» и «Письма в редакцию». Аналитические – «Школьные дела» и «Земские дела», «Парламентская жизнь», «Вопросы жизни» и «Мировые волнения». Иногда новостные головки стояли под шапкой виде анонса: «Аграрное движение в Николаевском уезде. Адмирал Чухнин, не пришедший в сознание, скончался. Стоявшие арестантов с конвоюрами в Елизаветграде. В Варшаву пять человек приговорены к повешению. Приговор кационного суда над Дрейсом. В роддоме убит жандарм («Северная речь», 20.6.1905).

В центре внимания журналистов – острые социальные вопросы. Что делать простому крестьянину, разорившемуся от того, что его затаскали по судам за недоимку в оброке? Как бороться с тем, что заводское начальство тайком читает писем своих управляющих? Почему женщины не имеют права участвовать в городской и земской деятельности? Почему столичные бюрократические препоны мешают на пути создания педагогических курсов?

Более едкими и прозрачными к 1908 – 1909 годам становятся фельетоны. Несмотря на то, что газету беспрекословно закрывают, авторы практически открыто высмеивают местную власть. «Государственная Дума... Виноват, я хочу сказать: для чего существует ярославская заводская «жюнья?» – пишет журнал «Вирский» («Северное слово», 1.06.1908).

О том, как объект насмешки реагировал на подобные выпады, мы уже знаем. Но заставим замолчать маленькую птичку-жар-птицу для народа настоящей яркой жар-птицей, так и не погасившей. Она смогла стать в водном мире новых идей и вопреки всему выжить в эпоху, когда лучше всего характеризуют читатель из статьи «История вокации в России» («Родной край», 10.02.1909): «Всякий раз, когда в жизни общества наступают острые кризисы, наряду с проявлениями самого высокого героизма и самопожертвования наблюдаются примеры полного распада всяких нравственных устоев».

Надежда ШЕСТЕРИНА



Фотогалерея Виктории ЮРАСОВА